

Л и т е р а т у р а :

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Изд-во ЭКСМО, 2007. – 944 с.
2. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. – Симферополь : ОАО “Симферопольская городская типография” (СГТ), 2008. – 200 с.

Іванова Л. П. Класичне порівняльно-історичне мовознавство і новітня імагологія: точки дотику.

Стаття присвячена зв'язкам імагології з традиційними і новими напрямками мовознавства (компаративістика, міжкультурна комунікація, лінгвокультурологія), а також з проблемами оцінки, мультлінгвізму, інтерференції, стереотипу.

Ключові слова: порівняно-історичне мовознавство, імагологія, категорія оцінки, стереотип, білінгвізм мультлінгвізм.

Ivanova L. P. Classical comparative-historical linguistics and the latest imagology: points of contact.

The article is devoted to relations of imagology, with traditional and new areas of linguistics (comparativistics, intercultural communication, lingvoculturology), as well as with the problems of the assessment, multilingualism, interference, a stereotype.

Keywords: comparative-historical linguistics, imagology, assessment category, a stereotype, bilingualism, multilingualism.

Кравцова Ю. В.

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

ПРОЗА ПОЭТА**В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И МЕТАПОЭТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Статья посвящена проблеме изучения поэзии и прозы одного автора. Описана специфика прозы поэта как литературного феномена с позиций лингвистики и метапоэтики, характер ее взаимосвязи с поэзией данного автора и причины его обращения к прозаической форме словесного искусства.

Ключевые слова: литературный “билингвизм”, поэт-прозаик, писатель-“билингв”, проза поэта.

Творчество писателя, владеющего двумя формами словесного искусства – стихотворной и прозаической, вызывает большой интерес не только среди ученых, но и среди самих художников слова. Суть явления, получившего название литературного “билингвизма” (Р. О. Якобсон), состоит в том, что поэт активно использует прозаическую форму для решения художественно-эстетических задач в области поэтического языка и расширения способов образного воплощения своего замысла, не ущемляющегося в границах стихотворной формы. “Проза поэта – не совсем то, что проза прозаика, и

стихи прозаика – не то, что стихи поэта: разница является с мгновенной очевидностью. <...> Вторично приобретенный язык, даже если он отточен до блеска, никогда не спутаешь с родным. Возможны, конечно, случаи подлинного, абсолютного билингвизма” [9, с. 324].

Изучение поэзии и прозы одного автора, специфики прозы поэта началось в трудах В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, Р. О. Якобсона и продолжается в работах М. Г. Гаспарова, С. И. Кормилова, Ю. Б. Орлицкого, А. А. Пелиховой, Н. А. Фатеевой и др. С проблемой литературного “билингвизма” опосредованно сталкивались многие ученые, стремившиеся построить целостную картину лингвистических явлений на большом корпусе художественных текстов поэтов-прозаиков XIX – XX вв. (например, работы В. П. Григорьева о В. Хлебникове, Л. А. Новикова о А. Белом, Л. В. Зубовой о М. Цветаевой, Ю. И. Левина о О. Мандельштаме и др.). Но прикладных исследований творчества того или иного поэта-прозаика, где рассматривается соотношение выразительных средств в его стихах и прозе, крайне мало. Имеются отдельные литературоведческие работы (например, Д. Е. Максимова (1975) о А. Блоке, Д. Д. Благого (1983) о А. Фете, С. И. Кормилова (1993), М. П. Павловой (2003) о В. Высоцком), в которых попутно анализируются особенности взаимосвязи различных экспрессивных средств в стихотворных и прозаических произведениях писателя-“билингва”. В конце XX – начале XXI вв. начались лингвистические исследования в области поэзии и прозы одного автора – Н. А. Кожевниковой о А. Белом (1992), Ю. В. Кравцовой о И. Бунине (1995), Н. А. Фатеевой о Б. Пастернаке (2003) и др. Однако понятие прозы поэта до сих пор остается недостаточно изученным, хотя в последнее десятилетие наблюдается активизация научного интереса к этой проблеме.

Целью данной статьи является описание специфики прозы поэта в лингвистическом и метапоэтическом аспектах и причин его обращения к данной форме словесного искусства.

Исследование поэзии и прозы одного автора, прозы поэта как литературного феномена, творческой индивидуальности поэта-прозаика, представляется важным для определения особенностей художественного отражения мира в его стихотворных и прозаических произведениях, общих и специфических черт эстетической самореализации автора в разных литературных формах, установления степени взаимосвязи и характера взаимопроникновения образных средств в стихах и прозе писателя-“билингва”, детерминированных единством его языковой личности.

Особенно ярко “билингвизм” проявляется в русской литературе первой половины XX в. В это время практически невозможно найти поэта, который бы не стремился к прозаической форме выражения (И. Анненский, А. Ахматова, А. Белый, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Кузмин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Сельвинский, М. Цветаева и

др.). “Проза Брюсова, Белого, Хлебникова, Маяковского и Пастернака – уникальная колония новой поэзии – открывает целый веер путей, готовящих новый взлет русской прозы” [9, с. 325]. Именно проза оказывается необходимой для решения творческих задач в период активного экспериментирования в области поэтического языка и расширения форм художественного выражения, не укладывающегося в рамки стихотворной формы. Под прозой поэта подразумеваются не только художественные, но и художественно-публицистические, мемуарно-автобиографические, литературно-критические произведения, так как, в отличие от прозы писателя-прозаика, она обладает целым рядом специфических черт, которые раскрывают сущность творческой индивидуальности поэта, излагающего свои мысли в прозе. Проза поэта “в высокой степени специфична – и тем, как она подвергается воздействию доминирующего элемента, то есть элемента поэтического, и тем, как в напряженном и волевом усилии она высвобождается от него” [9, с. 327].

Основными характеристиками прозы поэта, по мнению литературоведов (В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, И. Г. Минералова и др.), являются повышенная эмоциональность, глубокий лиризм, яркая поэтическая образность (в том числе метафоричность). В ней наблюдается четко выраженное стремление внести в эпические формы лирическое начало, структурные элементы стиха в структуру прозы. К признакам прозы поэта, обусловленным сосуществованием и взаимодействием в ее поэтике свойств лирики и эпоса, относят ассоциативность, прерывистость, моноцентричность повествования, непосредственность и сиюминутность изображения, бессюжетность или наличие своеобразного лирического сюжета, складывающегося из передачи размышлений, чувств, воспоминаний героя, максимально сближенного с автором, усложненную образность художественного языка.

Лингвисты при анализе произведений поэтов-прозаиков (Р. О. Якобсон, Н. А. Кожевникова, Л. А. Новиков, Н. А. Фатеева, А. Юнгрен и др.) не раз обращали внимание на факт существования в их творчестве так называемых “близнечных” контекстов, имеющих различное выражение по оси “поэзия – проза”, между которыми устанавливается отношение семантического тождества по разным текстovým параметрам: структуре ситуации, единству концепции, композиционных принципов, подобию тропеической, звуковой и ритмико-синтаксической организации [8, с. 28]. Стихи и проза одного автора образуют единое языковое пространство, грани между отдельными сферами которого, по мнению В. В. Виноградова, “не привносятся извне, а понимаются из единства, как созидающие его внутренние формы” [3, с. 211]. Правила же перехода от одной формы выражения к другой определены законами той же глубинной семантической связности, в которой “проявляется сущность рефлексии поэта над языком” [4, с. 86].

В творческом сознании поэта-прозаика нередко заложено понимание прозы как продолжения не высказанных и недосказанных в поэзии мыслей, поэтому его проза становится своеобразным комментарием к стихам, дальнейшим развитием размышлений автора, неким развернутым лирическим монологом, а также повторением и усилением тем, мотивов, образов. К примеру, у А. Белого связи прозаических его произведений со стихотворными многочисленны и разнообразны: в них используются не только сходные темы и ситуации, но и приемы изображения, организации текста, отдельные сочетания слов и т. п. Так, по мнению Л. А. Новикова [6], “Северная симфония” А. Белого перекликается с его циклом “Образы” (сборник “Золото в лазури”), “Серебряный голубь” – с деревенскими стихами “Пепла”, “Петербург” – с городскими стихами “Пепла”. Образность стихов и прозы данного автора предстает как система взаимодействующих и развивающихся тропов и фигур речи, объединяемых в ассоциативно-семантические поля – носители основных идей произведения. Две формы словесного искусства в творчестве писателя в значительной степени стимулировались концепцией символизма как системы миропонимания, которая создала предпосылки для нового творческого отношения к слову и образу.

По нашим наблюдениям, поэзию и прозу А. Белого сближают следующие приемы использования языковых средств: частое употребление субстантивированных прилагательных и “нанизывание” их (например, в прозе *непоправимое напоздало; непоправимое обнимало ее; невыразимое окружало их, невыразимое тут стояло вокруг* – в поэзии *невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена*), а также абстрактных существительных в форме множественного числа (к примеру, *трепеты, неизмеримости, невнятности, беспокойства*); лексический и словообразовательный повтор; паронимическая аттракция; разные приемы использования полисемии и т. п. [5, с. 124]. Одним из характерных образных средств поэзии и прозы А. Белого являются метафоры, которые раскрывают глубокое художественное видение мира, всегда подчинены определенной эстетической задаче и часто основаны на самых неожиданных ассоциациях. В стихотворной и прозаической речи писателя встречаются метафорические переносы, сходные с точки зрения грамматической и семантической структуры, а нередко абсолютно тождественные в реализации смыслового содержания. Они представляют собой как бы “сквозные” образы, свободно преодолевающие границу между поэзией и прозой писателя: в поэзии *волна напевов томных* – в прозе *волна изрыдавшихся звуков; избы смотрят злым глазком – глазки озлобленных домиков; кружево листвы – кружево листов; звездные слезы – слезинки блистающих звездочек; янтарь фонаря – янтарь фонарей* и др. Тесная взаимосвязь стихов и прозы писателя определялась его эстетическими принципами, талантом и яркой индивидуальностью. Сам А. Белый, будучи также теоретиком поэтического языка, постоянно подчеркивал неразрывное единство стихотворной и прозаической речи, где “тут и там цветы образов; тут

и там те же встречаются нас фигуры и тропы”; для него проза, “тончайшая, полнозвучнейшая из поэзии”, и поэзия были едины.

Исследование произведений И. Бунина показало, что в ранний период, когда поэзия оказывала значительное влияние на бунинскую прозу, словесные образы как будто кочевали из одной формы в другую [5, с. 125]. Кроме того, он нередко заимствовал из собственных стихотворений целые обороты и выражения, вводил в ткань прозы уже готовые поэтические формулы, которые, иногда разворачиваясь в прозаической речи более широким контекстом, становились своеобразным комментарием к бунинским стихам: в поэзии *слезы звезд* – в прозе *льется золотая слеза звезды; сад потемневший присмирел* – из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным и каким-то притихшим, смирившимся; *над огнями за Курой Тифлис под лунною чадрой* – *бледные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, все подернуто матово-белесой чадрой, нежной, прозрачной, как драгоценные брусские газы. И за этой чадрой, как несметные глаза, таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещут несметные, далекие и близкие, огни.* В более поздний период, когда писатель все реже стал обращаться к стихотворной форме и проза заняла приоритетное положение в его творчестве, имеет место обратный процесс – словесные образы проникают из прозаической речи в стихи: в прозе *важно кагакали грачи; важный крик грачей* – в поэзии *важно кричат стада грачей; вихры отдаленных пальм; с вихром пальмы – старой пальмы путаный вихор; море хлебов; море зреющих хлебов; море спелых хлебов; море хлебов, трав и цветов – море зреющих хлебов; кузнечики чуть шепчутся* – *кузнечики таинственно шептались* и т. д. Однако это не простое перенесение средств речевой выразительности, различных сочетаний из поэзии в прозу писателя и наоборот: существовала единая логика развития художника слова, а связи между разными сферами его творчества определялись не формальными исканиями, а яркой индивидуальностью писателя-“билингва”. И. Бунин постоянно стремился сблизить стихи и прозу в своем творчестве, что неизменно проявлялось на протяжении всей его писательской деятельности.

Существуют разные причины обращения поэта к прозе. Одной из них является, как уже было отмечено, понимание прозы как продолжения не высказанных в поэзии мыслей, в результате чего проза становится своеобразным комментарием к стихам. В процессе развития поэзии в прозе писатель-“билингв” не стирает, а как бы перемещает грань между двумя формами словесно-художественного творчества, существующую в массовом сознании. Так, поэт-прозаик И. Бродский, анализируя творчество М. Цветаевой, отмечал, что проза была для нее “всего лишь продолжением поэзии, но только другими средствами. Повсюду – в ее дневниковых записях, статьях о литературе, беллетризованных воспоминаниях – мы сталкиваемся именно с этим: с перенесением методологии поэтического мышления в прозаический текст, с развитием поэзии в прозу. Фраза строится у Цветаевой

не столько по принципу сказуемого, следующего за подлежащим, сколько за счет собственно поэтической технологии: звуковой аллюзии, корневой рифмы, семантического синкретизма и др. То есть читатель все время имеет дело не с линейным (аналитическим) развитием, но с кристаллообразным (синтетическим) ростом мысли” [2, с. 66]. Сама М. Цветаева свои произведения в прозе также относила к работе поэта: “Я поэт, умеющий и думать (писать прозу)” [7, с. 126]. Она писала о поэзии и прозе, о работе поэта и прозаика следующим образом: “прозу отношу более к сознанию, стихи к бессознанию (осознанному!)”; “работа прозаика протекает, главным образом, в мысли, а не в слове, в замысле, а не в слове – мысль переводится в слово – у поэта мысль и слово рождаются одновременно, вся работа протекает в слове, нельзя задумать прозой и написать стихами”; “проза поэта – другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия (усердия) – не фраза, а слово, и даже часто слог” [7, с. 156-158]. Обращение М. Цветаевой к прозе, создающей иллюзию более последовательного развития мысли, чем поэзия, само по себе оказывается как бы косвенным доказательством того, что эмоционально-духовное переживание является иногда менее существенным, что возможны переживания более высокого, интеллектуального порядка, заставляющие читателя не только сопереживать, но и соразмышлять с автором. Проза М. Цветаевой является как бы продолжающимся монологом лирического героя, развернутыми пояснениями к ее стихам, которые необходимы для более глубокого их понимания.

А. Ахматова, напротив, считала прозу “стихией”, противоположной поэзии, хотя лирика и проза неразрывно связаны в ее творчестве единством авторского художественного мышления. Тем не менее такое отграничение прозы от поэзии представляется вполне естественным, так как оно соответствовало литературным традициям того периода. Кроме того, она писала: “Проза всегда казалась мне и тайной, и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – я никогда решительно ничего не знала о прозе” [1, с. 331], – это признание содержит ключ к пониманию всего ахматовского творчества. Проза А. Ахматовой, с одной стороны, многое разъясняет в ее стихах и поэмах: “из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал” [1, с. 379]. С другой стороны, она носит самостоятельный характер, имеет не меньшую художественную ценность, чем ее поэзия, и раскрывает тайны поэтического мастерства автора.

Одной из причин обращения поэта к прозе является внутренняя природа творчества, когда переход к ней становится органичным процессом продолжения характерных особенностей поэтической технологии. “Проза поэта является лучшей лабораторией для исследования психологии поэтического творчества” именно потому, что “в прозе поэта все стадии процесса явлены чрезвычайно крупным планом” [2, с. 66]. Так, Р. О. Якобсон описывает логику творческого развития Б. Пастернака: “Параллельно тому,

как растет автономность литературного призвания Пастернака, его язык перестраивается: романтический и эмоциональный в своем начале, он становится языком об эмоциях, и этот описательный аспект находит самое яркое выражение в прозе поэта” [9, с. 331]. И. Бродский, анализируя творчество О. Мандельштама и М. Цветаевой, пишет: “Мандельштам, как поэт внешне более формальный, чем Цветаева, нуждался в избавляющей его от эха, от власти повторного звука, прозе ничуть не меньше, чем она с ее внестрофическим – вообще внестиховым – мышлением, чья главная сила в придаточном предложении, в корневой диалектике” [2, с. 71].

Проза позволяет поэту по-другому увидеть суть поэтического творчества, а читателю, исследователю – новые грани его писательского таланта, уровень мастерства автора. Обращаясь к прозе, поэт доказывает свою “царственность”, свою поэтическую сущность. “Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур: Два вопроса: сумеешь ли ты и без пурпура быть царем (и без стиха быть поэтом)? Сумеешь ли ты им – царем или поэтом – не быть? Есть ли поэт (царственность) – неотъемлемость, есть ли поэт в тебе – суть?” [7, с. 14].

И. Бродский называет также другие причины обращения поэта к прозе: “поэту может просто захотеться в один прекрасный день написать что-нибудь прозой: существуют сюжеты, которые ничем, кроме прозы, не изложить: размышления на исторические темы, воспоминания детства в свою очередь выглядят естественнее в прозе” [2, с. 65]; “нужда или невежество рецензента, не говоря уже о простой почте, рано или поздно заставят его [поэта] писать в строчку, как все люди” [2, с. 66].

Обращение к прозе возникает на определенном этапе жизненного пути поэта и обусловлено в значительной степени причинами личностного характера. Проза для поэта становится способом своеобразного психологического и художественно-стилистического раскрепощения, расширения возможностей языка, попыткой переосмысления сделанного, поиска нового состояния, “ибо только оглянувшись можно перевести дыхание” (И. Бродский), “объясниться, объяснить себя” (М. Цветаева).

Анализ литературы по проблеме литературного “билингвизма” (В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, Р. О. Якобсон, Л. В. Зубова, Н. А. Кожевникова, Л. А. Новиков, Н. А. Фатеева и др.) и соответствующих метапоэтических данных (А. Ахматова, А. Белый, И. Бродский, И. Бунин, М. Цветаева и др.) свидетельствует о том, что творческое “двуязычие” проявляется, во-первых, в существовании некой “памяти слова”, наличии “близнецных” контекстов; во-вторых, в увеличении степени “свободы” художественного слова, свободном перемещении его из поэзии в прозу и наоборот; в-третьих, в расширении диапазона семантических средств; в-четвертых, в многообразии способов художественного отражения действительности; в-пятых, в своеобразии ритмики, особой лирической интонации. При этом возвращение к одним и тем же образам, темам и приемам

не исключает стремления поэта-прозаика к обновлению способов изображения. Расширяя сферу применения однотипных средств, которые, концентрируясь в произведениях одного жанра, отражаются и во всех других, писатели, владеющие обеими формами литературно-художественного творчества, одновременно выдвигают новые задачи, требующие других средств. Происходит постоянное перераспределение старого и нового и разных, уже опробованных средств и приемов. Произведения, так или иначе связанные друг с другом – идейно, тематически, сюжетно, – оказываются разными с точки зрения их поэтики. Нередко приемы, только намеченные в одном произведении, в следующем предстают в концентрированном виде. Одни и те же темы решаются в разных ключах, одни и те же образы используются в разных типах контекстов. Так возникает сложное сочетание постоянного и переменного, свидетельствующее о ярком, самобытном таланте поэта-прозаика.

Таким образом, специфика прозы поэта заключается в том, что она тесно связана с поэзией данного автора, в ней повторяются темы и образы, языковые средства и приемы их использования. Связь прозы с поэзией в творчестве одного писателя проявляется и в архитектонике его произведений, их ритмико-интонационной организации, высокой смысловой концентрации, семантической многоплановости. Проза для поэта становится логическим продолжением его поэзии, своеобразным комментарием к стихотворным текстам, попыткой пояснить и объяснить то, что осталось недосказанным в стихах, последовательным развитием размышлений автора. Обращение поэта к прозе может быть обусловлено целым рядом причин: потребностью высказать недосказанные в поэзии мысли; стремлением к развертыванию монолога лирического героя в прозе; желанием психологически и стилистически раскрепоститься, расширить возможности поэтического языка, продемонстрировать разные грани писательского таланта; внутренней природой творчества как органичного процесса продолжения характерных особенностей поэтической технологии; необходимостью переосмысления сделанного; поиском нового состояния; творческим вдохновением. Сущность художественного мышления писателя-“билингва” состоит в том, что при вариативности форм творческого выражения единство его языковой личности сохраняется.

Л и т е р а т у р а :

1. *Ахматова А.* Узнают голос мой... : Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / А. Ахматова / [сост. Н. Н. Глен, Л. А. Озеров]. – М. : Педагогика, 1989. – 608 с.
2. *Бродский И. А.* Бродский о Цветаевой : интервью, эссе / И. А. Бродский / [вступ. ст. И. Кудровой]. – М. : Независимая газета, 1997. – 208 с.
3. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
4. *Григорьев В. П.* Поэтика слова / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 342 с.
5. *Кравцова Ю. В.* Метафорическое моделирование мира : поэзия и проза

- / Ю. В. Кравцова. – К. : Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
6. Новиков Л. А. Андрей Белый как теоретик поэтического языка / Л. А. Новиков // Русская речь. – 1990. – № 5. – С. 5-11.
 7. Цветаева М. И. Неизданное. Семья : история в письмах / М. И. Цветаева / [сост. Е. Б. Коркина]. – М. : Эллис Лак, 1999. – 592 с.
 8. Юнгрен А. Поэзия Тютчева на фоне салонной речи / А. Юнгрен // Тютчевский сборник. – Т. 2 / [отв. ред. Л. Киселева]. – Тарту, 1999. – С. 18-30.
 9. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 380 с.

Кравцова Ю. В. Проза поета в лінгвістичному та метапоетичному висвітленні.

Статтю присвячено проблемі вивчення поезії та прози одного автора. Описано специфіку прози поета як літературного феномена з позицій лінгвістики та метапоетики, характер її взаємозв'язку з поезією даного автора і причини його звертання до прозаїчної форми словесного мистецтва.

Ключові слова: літературний “білінгвізм”, поет-прозаїк, письменник-“білінгв”, проза поета.

Kravtsova Yu. Poet's prose in the linguistic and metapoetic presentation.

The article deals with the problem one author's poetry and prose study. Specificity of poet's prose as a literary phenomenon from the point of view of the linguistics and metapoetics, the nature of its linkage with this author's poetry and the reasons for him to use the prosaic form of verbal art are described.

Keywords: literary “bilingualism”, poet&prose writer, “bilingual” writer, poet's prose.

Кротенко Л. Б.

**Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова**

СУЧАСНИЙ ЗВ'ЯЗНИЙ ТЕКСТ У ПРОСТОРІ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОЇ ПАРАДИГМИ

Тема статті присвячена питанню взаємозалежності Тексту та Людини у мовленнєвому просторі у сучасному розумінні. Авторка статті пропонує спробу власного аналізу причин такої взаємозалежності, окреслює особливості тексту у вузьконаправленому аспекті категорії зв'язності як істотного важеля у встановленні правильної взаємодії Тексту та Людини. Схематичне зображення системи таких взаємовідносин покликане наочно ілюструвати даний процес.

Ключові слова: текст, дискурс, категорія зв'язності, антропоцентризм.

Зміни у свідомості Людини, які стосуються науки та культури загалом, не відбуваються без певних чинників та виникнення характерних ознак. Взаємопов'язані між собою причини та наслідки постійно видозмінюють навколишній світ та створюють життєвий простір інакшого характеру та нові об'єкти для вивчення.

У сучасному суспільстві зміни відбуваються дуже часто завдяки інформаційним чинникам – поява нових технологічних форм, можливостей,